

ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ НАРРАТИВ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

© 2018 г. **С.И. Белов***

Статья поступила в редакцию 18.07.2018.

В статье исследуется процесс выстраивания объединяющего исторического нарратива о Гражданской войне в США 1861–1865 гг. В роли методологической основы исследования автор использовал комбинацию case study (изучение конкретной ситуации) и дескриптивного анализа. В качестве примера выбрана политика памяти в Соединённых Штатах Америки в отношении событий Гражданской войны. Цель исследования - выявить позитивные и негативные моменты в процессе формирования объединяющего исторического нарратива в отношении тех событий.

Установлено, что архитекторы политики памяти в США отказались от тактики демонизации одной из сторон конфликта, интегрировав представителей как южан, так и северян в пантеон национальных героев. Авторитет конкретных исторических деятелей использовался с целью обоснования необходимости примирения бывших врагов. Мотивы участников конфликта с обеих сторон привязаны к базовым ценностям американского общества. Для формирования объединяющего нарратива использовался формат массовой культуры. За счёт этого в сознание белых американцев была внедрена система эмоционально насыщенных символов, обращение к которой запускало механизмы эмпатии в отношении бывших врагов. В то же время модель объединяющего исторического нарратива была выстроена без учёта возможного изменения целевой аудитории. Она не отвечала интересам и ценностным установкам макросоциальных групп, роль которых в общественной и политической жизни США резко возросла во второй половине XIX века (афроамериканцев и цветного населения в целом, женщин, сексуальных меньшинств и т.п.). Одновременно ни государство, ни аффилированные с ним структуры не сумели адекватно отреагировать на формирование в массовой культуре антиобраза южан, что способствовало реанимации радикальных форм местной идентичности.

Ключевые слова: политика памяти, мемориальная политика, исторический нарратив, объединяющий нарратив, идентичность, Гражданская война в США.

Совокупность представлений об общем прошлом является одной из основ национально-государственной идентичности. По этой причине характер официального и официозного (как правило, преобладающего) нарратива оказывает существенное влияние на социально-политическую стабильность общества, уровень его консолидации и способность к мобилизации. Эти показатели

* БЕЛОВ Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, учёный секретарь Музея Победы. Российская Федерация, 121170, г. Москва, ул. Братьев Фонченко, 10 (belov2006s@yandex.ru).

напрямую зависят от того, какой характер носит историческое повествование: *объединяющий*, интегрирующий между собой различные макросоциальные группы, в прошлом, возможно, находившиеся в состоянии конфликта, или *дезинтегрирующий* за счёт ревизии истории в пользу одного из субъектов вопреки интересам и мнению прочих участников политического процесса [Евгеньева Т.В., 2013: 119].

Большое значение вопрос о выработке объединяющего нарратива приобретает для государств с гетерогенным (в расовом, конфессиональном и этническом плане) населением, а также стран, переживших острые внутренние конфликты либо иные травмирующие события макросоциального уровня (например, массовые репрессии, практику апартеида и т.д.). Как отмечает А.П. Кочетков в журнале “Полис. Политические исследования”, “для многих людей в наши дни общенациональная и цивилизационная идентичности утрачивают своё значение, на первый план выходит этническая общность <...> это приводит <...> к отторжению от “общей” национальной культуры и её ценностей, а в конечном счете к сегментации общества” В таких случаях отсутствие компромиссной трактовки событий прошлого в лучшем случае оборачивается крайней степенью партикуляризации общества, в худшем – полной либо частичной реанимацией застарелых политических конфликтов [Кочетков А.П., 2014: 64].

Подтверждением значимости объединяющего исторического нарратива может служить волна протестов, прокатившихся по югу США в 2017 г. Массовые беспорядки возникли в результате неприятия в обществе присутствия на улицах американских городов памятников конфедератам. Как пишет доктор исторических наук М.В. Кирчанов в своей статье “Историческая политика. Политика памяти и война с памятниками в США”, “с середины 2010-х годов общественные афроамериканские организации начали кампанию, направленную на физическую ликвидацию конфедеративного наследия в американских городах” [Кирчанов М.В., 2017: 67]. Это закономерно спровоцировало раскол внутри общества. Развернувшаяся в 2016–2017 гг. кампания по демонтажу и переносу (а в отдельных случаях и уничтожению) памятников южанам и переименованию мемориальных объектов, посвящённых деятелям Конфедерации спровоцировала жёсткую реакцию со стороны правых, одновременно подтолкнув их идейных противников к радикализации. В ходе событий в Шарлоттвилле (штат Вирджиния) погиб один человек и 38 получили травмы.

Отдельно необходимо отметить, что “война памятников” во многом усилила другой значимый конфликт внутри американского общества – противостояние противников и сторонников президента Д. Трампа, который ранее публично комплементарно отзывался о Р. Ли и Т. Дж. Джексоне [Кирчанов М.В., 2017: 70].

Столь острая реакция общества на кампанию по демонтажу памятников была вполне ожидаемой. Память о Гражданской войне в США является для американского общества одним из главных источников политических смыслов и символов национальной идентичности. Как отмечают авторы статьи “Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю” И.М. Савельева и А.В. Полетаев, “Авраам Линкольн вообще является самым “главным” президентом в глазах американцев...его популярность намного превосходит популярность Джорджа Вашингтона”. Большим символическим значением обладают

также Прокламация эмансипации рабов и Геттисбергское послание, представляющие для большинства американцев квинтэссенцию национальной системы представлений о свободе и демократии. В то же время, отмечают эксперты, “страна до некоторой степени разделена на белых и чёрных, потомков рабовладельцев и рабов, южан и северян, побеждённых и победителей в Гражданской войне”. Это чётко фиксируется на уровне региональной специфики мемориальных праздников. “В южных штатах продолжают отмечать День поминовения конфедератов, День героев-конфедератов, дни рождения президента Конфедерации Джефферсона Дэвиса и генералов Роберта Э. Ли и Томаса Джексона... в северных штатах празднуют День рождения Авраама Линкольна, День Аппоматокса (знаменующий фактическое окончание Гражданской войны), Национальный день свободы (в память о принятии XIII поправки к Конституции, запрещающей рабство)” [Савельева И.М., Полетаев А.В., 2008: 305–309]. При этом, как отметила А.С. Ведерникова, выступая на Всероссийской научной конференции, “празднование 150-летия инаугурации президента Джефферсона Дэвиса, 150-летия годовщины первого выстрела Гражданской войны, 150-летия отделения Южной Каролины от Союза и, наконец, 150-летия непосредственно самой Гражданской войны повлекло за собой высказывания о том, что это – “праздник рабства”” [Ведерникова А.С., 2014: 171].

Рост внимания к вопросам трактовки событий Гражданской войны, как и увеличение конфликтного компонента в рамках общественной дискуссии, очевидно связан с серией вспышек расовых волнений в США в последние годы. События в Фергюсоне, Балтиморе и Шарлоттвилле, налагаясь на медийное эхо трагедии 2015 г. в Чарлстоне, способствовали радикализации движения за гражданские права чернокожих. Последнее естественным образом актуализировало возникшие ранее острые идеологические конфликты. К их числу относится и вопрос о мемориальных объектах Конфедерации. Оценивая действия сторон конфликта, не следует упускать из виду то, что, например, одна из школ в Джексонвилле (Флорида) до 2013 г. носила имя Натаниела Бэдфорда Форреста – одного из основателей Ку-клукс-клана, обвиняемого, помимо прочего, в уничтожении чернокожих военнопленных из числа солдат Союза, захваченных в ходе штурма форта Пиллоу¹.

Все указанные выше факты закономерно ставят на повестку дня вопрос об изучении опыта мемориальной политики государств, переживших внутренние конфликты и иные травмирующие события, в плане построения объединяющего исторического нарратива; в данной статье речь идёт о Гражданской войне в США 1861–1865 годов.

Степень изученности темы, несмотря на обилие исследований, характеризуется наличием существенных лакун.

Зарубежные эксперты изучают заявленную тему преимущественно в контексте разработки вопросов о текущем состоянии исторической памяти американцев о событиях Гражданской войны и мемориальных войнах между представителями Севера и Юга. Российские специалисты исследуют обозначенную тему

¹ Duval Public Schools: No more KKK High School. URL: <https://www.change.org/p/duval-public-schools-no-more-kkk-high-school.html> (17.07.2018).

по большей части сквозь призму отображения политики памяти при исследовании темы расовой интеграции и борьбы с соответствующими формами дискриминации².

При этом указанная тема так и не обрела статуса самостоятельного предмета исследования. Её изучение протекало либо в контексте вопросов более общего характера, либо в рамках разработки смежных тем. Необходимо выделить и то, что многие аспекты темы вовсе не получили полноценного освещения со стороны академического сообщества. В частности, достаточно поверхностно был разработан вопрос о том, как менялись базовые установки различных сегментов целевой аудитории (в первую очередь – южан-“дикси”) под влиянием трансформации массовой культуры, смены демографических факторов и социально-экономических преобразований. Наличие пробелов в степени изученности темы подтверждает высокую актуальность проведения дополнительных изысканий в данной сфере [Gallagher G. W., Nolan A. T., 2000: 23; Blight D. W., 2001: 74; Janney C. E., 2008: 32].

Приступая непосредственно к изучению заявленной темы, следует подчеркнуть, что задача реинтеграции Юга и Севера страны встала перед элитами США практически сразу же после завершения Гражданской войны. Она предполагала в том числе необходимость выработки модели исторического нарратива, которая удовлетворила бы обе стороны завершившегося конфликта. Последнее подразумевало, что ни один из участников противостояния не должен демонизироваться или же идеализироваться. В то же время в сознание граждан должны быть внедрены символы, облегчающие возникновение эмпатии по отношению к представителям противоборствующего лагеря. Также было необходимо выработать у населения общее восприятие Гражданской войны как трагедии, жертвами которой стали и южане, и северяне [Blight D. W., 2001: 43].

Решение этих задач было тесно привязано к вопросу о позиционировании героев войны с обеих сторон. Одни и те же фигуры воспринимались принципиально по-разному по обе стороны от линии Мейсона – Диксона. Люди-символы, героизировавшиеся северянами, использовались южанами для конструирования образа врага (и наоборот) [Janney C. E., 2008: 29].

Несмотря на обозначенные барьеры, интеллектуальный истеблишмент США сумел найти правильное решение в вопросе о содержании интегрирующего исторического нарратива. Сепаратизм Юга, как и практика рабовладения, были подвергнуты осуждению. Однако в то же время “дикси” была приписана сложная мотивация действий, выстроенная на авторитете демократических прав и свобод, идейном наследии войны за независимость и общераспространённых смыслах и ценностях. Наименее одиозную часть политиков и военачальников Юга начали представлять как защитников права штатов самостоятельно определять внутреннюю политику, поборников идей Американской революции, критиковавших федеральный центр за превышение прописанных в конституции полномочий [Gallagher G. W., Nolan A. T., 2000: 38; Noyalas J.A., 2015: 12].

² В числе работ российских авторов можно выделить публикации Э.Л. Нитобурга, Т.В. Алентьевой, М.В. Кирчанова, С.А. Армейскова, Ю.Г. Волкова, А.С. Голубевой, Н.М. Травкиной, П.Б. Укусникова и Е.В. Федоровой. Среди исследований зарубежных специалистов внимания в первую очередь заслуживают труды Д. Блая, К. Кокс, Г. Галлахера, К. Джани.

Участие рядовых южан в вооруженной борьбе против армии Союза объяснялось не неприязнью к “янки” или желанием любой ценой сохранить рабство, а необходимостью подчиняться приказам местного руководства или стремлением защитить свой дом/родную землю от произвола со стороны солдат-северян.

Также активно обыгрывалась тема участия в войне по мотивам мести, тесно переплетающаяся с освещением вопроса о случаях мародёрства и насилия над мирным населением со стороны северян. Акцентировалось наличие на юге многочисленной прослойки жителей, не владевших рабами. Также обращалось внимание на то, что некоторые южане добровольно, в частном порядке освобождали своих рабов по этическим соображениям. В качестве символа неприятия частью южан института рабства использовалась фигура Роберта Ли – наиболее прославленного военачальника Конфедерации (хотя, вопреки исторической мифологии, генерал владел рабами и обращался с ними достаточно жестоко). Что примечательно, мифологизированный образ Ли также включал в себя положение о том, что после войны генерал предпринял значительные усилия для примирения бывших противников. Интересно отметить и такой элемент апологии Юга, как критика положения чернокожих в северных штатах. Последнее позволяет обвинить янки в лицемерии и нанести удар по их имиджу борцов за права человека, т.е. по одной из базовых американских ценностей [Сох К. L., 2003: 18].

Отдельного внимания заслуживает позиционирование южан (по крайней мере, местных элит) в качестве людей высокой культуры, “джентльменов”. Формированию позитивного образа южан способствовала и культивация в литературе таких стереотипных черт, как “верность земле предков” и стойкость перед лицом внешних бедствий. Благодаря этому в массовой культуре белого населения США возник образ Джонни Рэба (Рэбела) – конфедерата, отличающегося хорошим воспитанием и высокими моральными принципами [Janney C. E., 2008: 49].

Большую роль сыграла также эксплуатация сюжетов на тему злоупотреблений со стороны победителей в отношении побеждённых. Наиболее ярко это проявилось посредством создания образа так называемых “саквоажников” (предпринимателей-северян, по заниженным ценам скупавших разорившиеся хлопковые плантации Юга после завершения войны) [Gallagher G. W., Nolan A. T., 2000: 44].

Романтизации образа конфедератов во многом способствовало внедрение такого историографического и литературного концепта, как “обречённое”, или “безнадёжное” (*lost case*) дело Юга, созданного на базе следующих положений:

- 1) Север обладал подавляющим преимуществом в экономических ресурсах, в силу чего Юг был изначально обречён на поражение. Несмотря на это, войска Конфедерации длительное время успешно противостояли агрессии с Севера. Это было обусловлено как талантом военачальников-южан, так и стремлением “дикси” защитить свой образ жизни;

- 2) основным поводом для начала войны стал не вопрос о распространении рабства на территории новых штатов или сам институт рабовладения, а нарушение федеральным правительством прав штатов;

- 3) чернокожие рабы в массе своей проявляли преданность хозяевам, были лояльны Конфедерации и не готовы к обретению личной свободы. Эксплуата-

ция рабского труда позиционировалась в идеализированном виде. Рабы обозначались скорее как младшие члены больших патриархальных семей, опасавшиеся прихода “янки” не меньше, чем их белые хозяева;

4) южное общество в период Гражданской войны было консолидировано. Внутри него существовал чёткий консенсус относительно идеи отделения и необходимости бороться до конца с северянами [Janney C. E., 2008: 50; Кирчанов М.В., 2017: 65-67].

Тиражирование идеи “обречённого дела Юга” на научном и научно-популярном уровнях, а также в сегменте массовой культуры способствовало созданию позитивного образа южан, основанного на синтезе маскулинных и традиционных христианских ценностей [Gallagher G. W., Nolan A. T., 2000: 44].

Росту симпатии к южанам со стороны их бывших врагов способствовало широкое освещение темы тяжёлых условий содержания военнопленных-конфедератов и помощи им со стороны населения Севера [Cox K. L., 2003: 19; Neff J.R., 2016: 37].

Северяне позиционировались в качестве поборников демократии и наследников “отцов-основателей”. Однако набор защищаемых ими ценностей заметно отличался. Во-первых, северяне изображались как сторонники национального единства, стремившиеся к сохранению созданного творцами Американской революции Союза. Во-вторых, они представлялись носителями более “демократичных” начал и противопоставлялись “аристократам”-южанам. Во многом по остаточному принципу “янки” обозначались также в качестве противников рабства как института, противоречащего самой идее природных прав и свобод человека [Blight D. W., 2001: 81].

Равным образом подчёркивались достижения северян в области развития науки и техники (а также их практическом применении) и предприимчивость “янки” [Cox K. L., 2003: 19].

Большое внимание уделялось тому, чтобы обозначить условность деления нации на южан и северян. Эта задача решалась за счёт внедрения драматического и трагического элементов в исторический нарратив. В частности, произведения массовой культуры выстраивались вокруг темы друзей либо членов одной семьи, оказавшихся в ходе конфликта по разные стороны баррикад. Также широко эксплуатировалась тема любви/смешанных браков между представителями противоборствующих лагерей (особенно часто она подавалась через паттерн заботы о раненом враге) [Cox K. L., 2003: 19]. Большой популярностью пользовался сюжет, связанный с бытовым общением представителей двух сторон (обмен табаком или пищей, совместными ночевками у одного костра заблудившихся солдат, посещением праздничных мероприятий противника, таких, например, как танцы или свадьбы). Такого рода “братание с врагом” сопровождалось, как правило, общностью устремлений рядовых участников конфликта: желанием как можно скорее живыми вернуться к своим семьям [Blight D.W., 2001: 83].

Помимо этого, символическое примирение представителей двух сторон достигалось за счёт создания образа врага/общей угрозы. В этом качестве выступали первоначально индейцы, мексиканцы или чернокожие, а в период, последовавший за отменой сегрегации, – представители криминала, дезертиры и маро-

дёры, в отдельных случаях – радикалы со стороны как Севера, так и Юга [Cox K.L., 2003: 20].

Соответствующая модель объединяющего дискурса внедрялась в сознание населения преимущественно на уровне массовой культуры. Данное направление работы с целевой аудиторией обрело приоритетное значение в силу наличия очевидных преимуществ. Во-первых, контент формировался за счёт создания ярких и запоминающихся, эмоционально наполненных образов, имевших символическое значение. Во-вторых, сам формат массовой культуры подразумевал возможность упрощения транслируемого материала до исторического мифа. Последнее же облегчало использование манипулятивных практик [Самутина Н.В., 2005: 341].

В современный период ключевую роль в распространении объединяющего нарратива о Гражданской войне играет индустрия игрового кино. Как показало исследование, проведённое в 1994 г. группой специалистов под руководством Р. Розенцвейга и Д. Телена, 81% американцев получали информацию о событиях прошлого из исторических фильмов и телепрограмм, 57% – за счёт посещения музеев и мемориальных мест, 53% – из исторической литературы, 36% – благодаря изучению семейной истории, 20% – в порядке участия в деятельности групп, занимающихся изучением, сохранением и экспозицией прошлого. Впоследствии, благодаря широкому распространению Интернета, иерархия значимости источников несколько изменилась, однако значимость художественных фильмов как основного источника формирования исторической памяти американцев сохранилась [Савельева И.М., Полетаев А.В., 2008: 307; Ведерникова А.С., 2014: 172; Волков Е.В., Пономарёва Е.В., 2012: 23].

Предложенная обществу модель объединяющего дискурса долгое время демонстрировала достаточно высокую эффективность. Однако по мере развития движения за гражданские права и соответствующим изменениям в социальной структуре и политической системе в её работе начали возникать существенные сбои. Причины этого заключались в том, что согласованный ранее компромисс взглядов на события прошлого был достигнут в первую очередь среди белого населения в период доминирования мужчин-протестантов с британскими и германскими корнями в политической и социальной жизни страны. Увеличение роли этнических и расовых меньшинств, а также эмансипация женщин закономерно потребовали ревизию созданного ранее исторического нарратива. Афро-американская община иначе рассматривала положение рабов в южных штатах. Данный вопрос имел для её представителей принципиальное значение, чему в немалой степени способствовали память о законах Джима Кроу (распространённое в некоторых штатах неофициальное название законов о расовой сегрегации 1890–1964 гг.) и эпохе сегрегации, террор ультраправых радикалов и острые проявления расизма в общественной жизни. На повестку дня был также вынесен вопрос о пересмотре взгляда на пантеон героев Конфедерации: были опубликованы документальные источники, подтверждающие факты жестокого обращения с рабами многих героев Юга (включая генерала Ли) и чёткую ориентацию лидеров южан на идею белого превосходства. Одновременно был поставлен вопрос о недопустимости героизации представителей Конфедерации, причастных к созданию Ку-клукс-клана и подозреваемых в совершении военных

преступлений в отношении чернокожих солдат армии Союза и похищениях свободных афроамериканцев, проживавших на Севере в период Гражданской войны. Возмущение со стороны чёрных активистов провоцирует также идеализация взаимоотношений хозяев и рабов, присущая концепции “безнадёжного дела Юга” [Савельева И.М., Полетаев А.В., 2008: 350].

Наконец, следует учесть, что дискурс, выстроенный для объединения белого населения Севера и Юга, во многом формулировался на использовании образа “чёрной угрозы”. Эмансипированные афроамериканцы позиционировались в качестве угрозы для демократии и “белых женщин”. Значимость последнего не стоит недооценивать. Конструирование образа “чёрного насильника” способствовало резкому росту ксенофобии среди белых мужчин за счёт формирования фантомной угрозы. Последняя включала в себя риски для членов их семей. Жизнеспособность данного стереотипа во многом обеспечивается процессом геттоизации цветного населения в США и сопутствующей криминализацией “чёрных” анклавов. Последнее способствует выработке у белых устойчивого ассоциативного ряда между афроамериканской общиной и миром криминала. Побочным следствием этого становится возникновение в сознании установок, благоприятствующих усвоению стереотипа о “чёрных насильниках” [Красноборов М.А., Оболенкова М.А., 2013: 56]. Интересно отметить, что представления об агрессивной гиперсексуальности чернокожих мужчин в современных условиях зачастую приводят к возникновению новых форм дискриминации, проявляющихся через восприятие личности афроамериканцев исключительно с позиции их репродуктивных функций [Савельева И.М., Полетаев А.В., 2008: 350].

Увлечённость многих конфедератов идеями “белого превосходства” и присущая им приверженность протестантскому фундаментализму спровоцировала также неприятие в отношении их символического наследия со стороны американцев азиатского происхождения и этнических евреев [Красноборов М.А., Оболенкова М.А., 2013: 57].

“Южный” образ жизни был подвергнут критике со стороны борцов за права женщин. Критический дискурс в данном случае тесно сочетался с элементами критики со стороны чернокожих активистов. В частности, обращалось внимание на то, что многие плантаторы, состоящие в браке, открыто сожительствовали с рабынями. Их жёны были вынуждены это терпеть, так как не были защищены от домашнего насилия, и сам объём их прав был незначителен. Также внимание акцентировалось на судьбе детей, рождённых рабынями от связей с хозяевами. Подчёркивалось, что чаще всего они оставались рабами, что не лучшим образом характеризует южан как отцов [Булгаков М.А., 2007: 163].

Ситуацию усугубил кризис южной идентичности, связанный со сменой социально-экономического пространства региона и трансформацией культурного поля США во второй половине XX века. В 1970-х годах на юг начался приток переселенцев из северных штатов, совпавший по времени с увеличением численности занятых в местной экономике иммигрантов (прибывавших преимущественно из Мексики). Следствием этого стало как размывание белого сообщества, так и укрепление роли цветных общин [Cobb J.C., 2011: 117].

В то же время необходимо отметить, что внедрение в сознание граждан политической мифологии “обречённого дела” не смогло полностью нивелировать

неприязнь между “янки” и “дикси”, зародившуюся задолго до начала Гражданской войны. Её наследие в форме системы негативных стереотипов продолжает влиять на взаимоотношения между носителями соответствующих идентичностей. В частности, в массовой культуре США (в первую очередь, в киноиндустрии) сложился собирательный негативный образ южан. Его визуализация построена по принципу калокагии (соответствия между внешностью и внутренним миром человека). С одной стороны, южане изображаются как люди неопрятные, с искривленными зубами, лишним весом или чрезмерной худобой. Внешность женщин-“дикси” характеризуется мужеподобностью. Южанам приписываются лень, невежество, чрезмерная религиозность, повышенное либидо, проявляющееся в сексуальной распушенности, влечению к инцесту и зоофилии, склонность к алкоголизму, ксенофобии и гомофобии, немотивированной агрессии. Этот имидж был растиражирован благодаря популяризации в массовой культуре негативных образов реднеков и хиллбилли – жителей южной глубинки. Впоследствии этот ряд дополнил комплекс представлений о так называемом “белом мусоре” (*white trash*) – бедной прослойке белого населения. Продвижение соответствующей галереи образов осуществлялось в том числе посредством популярных триллеров и фильмов ужасов, в которых в качестве антагонистов выступали именно реднеки и хиллбилли (“Техасская резня бензопилой”, “Поворот не туда”, “И у холмов есть глаза”, “Хижина в лесу”, “Я плюю на ваши могилы”) [Прокопенков Г.Ю., 2015: 139].

Формирование негативного образа южан в массовой культуре приняло особенно острые формы в период информационной войны между демократами и Д. Трампом. Именно искажённый и демонизированный образ южанина использовался в качестве фундамента для конструирования образа “типичного избирателя Трампа” (“Американская история ужасов”, “Седьмой сезон”) [Сургуладзе В.Ш., 2017: 75].

Отдельно следует выделить то, что “Старый Юг” по-прежнему носит название “Библейского пояса”. Здесь всё также силен протестантский фундаментализм, и потому местные жители болезненно реагируют на рост случаев обструкции религии в пространстве массовой культуры США, которая устойчиво ассоциируется у них с Севером и Западом, Нью-Йорком, Бостоном, Лос-Анджелесом и Калифорнией [Кувалдина А.В., 2012: 168].

Возникновение угрозы утраты собственной идентичности, растущий разрыв в системе ценностей южан и жителей прочих регионов США и негативация образа “дикси” в массовой культуре подталкивает местных интеллектуалов к отказу от примиряющей версии исторического нарратива в пользу радикальных ревизионистских позиций. Последнее проявляется в том числе посредством изменений в образовательных стандартах отдельных южных штатов. За счёт этого, в частности, в один из школьных учебников Вирджинии в 2010 г. попали утверждения о том, что в ходе Гражданской войны на стороне Конфедерации якобы сражались тысячи чернокожих рабов. В созданных на Юге интернет-энциклопедиях также можно встретить слова о том, что Ку-клукс-клан первоначально представлял собой группу, лишь иногда прибегающую к насилию для поддержания общественного порядка [Красноборов М.А., Оболенкова М.А., 2013: 56].

Также наблюдается рост популярности тезисов ревизионистской историографии, направленных против ключевых элементов символики объединяющего нарратива. Наиболее чётко это проявляется на примере фигуры А. Линкольна. Президента, чья личность в пантеоне национальных героев США занимает место, сопоставимое с отцами-основателями, обвиняют в моральной нечистоплотности, неприязни к чернокожим, коррумпированности и скрытом гомосексуализме [Алентьева Т.В., 2007: 71].

Одновременно тиражируется тезис о том, что северяне были более негативно настроены по отношению к чернокожим, чем жители Юга. В частности, внимание акцентируется на массовых убийствах афроамериканцев в ходе “призывного бунта” в Нью-Йорке в 1863 г. Также широко освещается факт того, что даже после начала войны в северных штатах долгое время оставался в силе закон о выдаче беглых рабов. Также на Севере продолжали действовать нормативно-правовые акты, лишавшие чернокожих гражданских прав и даже запрещавшие им проживание на территории отдельных штатов [Алентьева Т.В., 2007: 72].

Следствием этого закономерно стал рост неприязни со стороны чернокожих к белым американцам. Значимость последнего нельзя недооценивать. На территории США открыто функционируют не только экстремистские организации белых, но и структуры радикалов из числа афроамериканцев. В качестве примера в данном случае можно привести так называемую Израильскую Церковь Бога в Иисусе Христе. Она объединяет афроамериканцев, исповедующих иудаизм и в то же время пропагандирующих ненависть к белым евреям. Как утверждают приверженцы этого экстремистского учения, лишь чернокожие евреи являются “настоящими”, в то время как белые этнические евреи – это “дети дьявола”, подлежащие истреблению [Cobb J.C., 2011: 122; Spring J., 2016: 42].

Интересно отметить, что тезисы религиозных фанатиков во многом перекликаются с отдельными вариантами афроцентризма, пользующимися популярностью в рядах чёрных интеллектуалов. Афроцентристские курсы истории, внедряемые в учебные программы “чёрных” районов, также относят к негроидной расе не только евреев библейской эпохи, но и египтян. Такого рода мифологемы вызывают тревогу, в особенности – на фоне проявлений “чёрного расизма” уже внутри экспертного сообщества. Примером последнего могут служить исторические и биологические концепции Л. Джеффриса, профессора Нью-Йоркского городского университета, консультанта правительства штата Нью-Йорк по учебным программам. Эксперт настаивал на том, что историю необходимо рассматривать сквозь призму постоянной борьбы “народа льда” (белых европейцев) и “народа Солнца” (чернокожих). Описывая историю работорговли, Л. Джеффрис акцентировал внимание на особой роли “еврейской мафии” в этом процессе. Более того, сама работорговля позиционировалась в качестве “еврейского заговора” против африканцев. Одновременно эксперт доказывал физическое и интеллектуальное превосходство негроидов над европеоидами, пытаясь увязать высокий уровень данных показателей с избытком меланина у африканцев и их потомков [Кузнецов Ю.В., 2015: 276].

Таким образом, следует признать, что модель объединяющего исторического нарратива в отношении событий Гражданской войны утратила свою эффективность в силу увеличения роли в обществе тех социальных групп, которые на

время её создания не являлись значимыми игроками с социально-политической точки зрения – афроамериканцев и цветного населения в целом, женщин и т.д. Соответственно, изменение структуры и расширение границ целевой аудитории политики памяти повлекли за собой превращение созданной модели исторического нарратива в нерелевантный инструмент.

Особо следует также выделить роль такого фактора, как появление внутри интеллектуальной элиты США групп, представляющих интересы ранее дискриминируемых меньшинств, сформированных из носителей их идентичности. Последнее сделало вопросом времени разрушение созданной их оппонентами исторической мифологии.

Несмотря на обозначенные проблемы и просчёты, опыт создания объединяющего исторического нарратива вокруг событий Гражданской войны в США содержит в себе и позитивные элементы. Позиционируя события прошлого, его творцы отказались от тактики демонизации одной из сторон конфликта, включили представителей как южан, так и северян в пантеон национальных героев. Их авторитет был использован с целью обоснования необходимости примирения бывших врагов. Мотивы участников конфликта были чётко привязаны к базовым ценностям американского общества. В то же время была проведена отстройка от негативных сюжетов, благодаря чему, например, командующий конфедератов плантатор Р. Ли начал восприниматься массами как противник рабства (хотя это и противоречило реальным фактам). Для формирования примиряющего дискурса был полноценно использован потенциал массовой культуры. При его помощи в массовое сознание были успешно внедрены эмоционально насыщенные символы, обращение к которым запускало механизмы эмпатии в отношении бывших врагов.

В то же время необходимо отметить, что государство и аффилированные с ним структуры, выступающие в качестве субъектов политики памяти, не препятствовали формированию в массовой культуре антиобраза южан, и это способствовало реанимации радикальных форм местной идентичности.

Список литературы

Алентьева Т.В. 2007. Причины гражданской войны в США в новейшей американской историографии // Новая и новейшая история. № 5. С. 66-79.

Булгаков М.А. 2007. Проблемы этнических меньшинств в США (на основе работ Т. Сауэлла) // Вестник Пермского университета. № 3 (8). С. 161-167.

Ведерникова А.С. 2014. Историческая память о гражданской войне в США в зеркале кинематографа // Человек и общество в условиях войн и революций. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Самара. Самарский государственный технический университет. С. 170-174.

Волков Е.В., Пономарева Е.В. 2012. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 10. С. 22 – 25.

Евгеньева Т.В. 2013. Историческая память, национальное самосознание и политическая социализация // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 1. С. 118-121.

Кирчанов М.В. 2017. Историческая политика. Политика памяти и война с памятниками в США // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. № 12. С. 63-75.

Кочетков А.П. 2014. Национальное государство в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. № 4. С. 63–75.

Красноборов М.А., Оболонкова М.А. 2013. Отражение гражданской войны 1861–1865 гг. в современном школьном историческом образовании США // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Stadia Historica Jenium*. № 1 (9). С. 55–57.

Кувалдина А.В. 2012. Этнические и расовые меньшинства США: идеологическая ориентация, политические предпочтения, электоральная активность // Полис. Политические исследования. № 6. С. 165–174.

Кузнецов Ю.В. 2015. Проблема национальной идентичности и преподавание истории: общественно-политическая дискуссия в США (80–90-е гг. XX в.) // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Материалы Девятой региональной научной конференции. С. 274–278.

Прокопенков Г.Ю. 2015. Образ «южанина» в современном американском юмористическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. № 6 (149). С. 137–145.

Савельева И.М., Полетаев А.В. 2008. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение. 456 с.

Самутина Н.В. 2005. Современное европейское кино и идея культуры («прошло-го») // Феномен прошлого. М.: ГУ-ВШЭ. С. 337–366.

Сургуладзе В.Ш. 2017. Дональд Трамп и ренессанс американского консерватизма // Международная жизнь. № 2. С. 73–86.

References

Alent'eva T.V. 2007. Prichiny grazhdanskoï voïny v SSHA v noveïsheï amerikanskoï istoriografii [The Reasons of the Civil War in the USA in the Newest American Historiography] // *Novaiâ i noveïshaïâ istoriiâ*, no. 5, p. 66–79.

Blight D.W. 2001. *Race and Reunion: The Civil War in American Memory*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 397 p.

Bulgakov M.A. 2007. Problemy ètnicheskikh men'shinstv v SSHA (na osnove rabot T. Sauëlla) [Problems of ethnic minority in the USA (on the basis of T.Sowell's works)] // *Vestnik Permskogo universiteta*, no.3 (8), p 161–167.

Cobb J.C. 2011. *The South and America since World War II*. Oxford: Oxford University Press, 374 p.

Cox K.L. 2003. *Dixie's Daughters: The United Daughters of the Confederacy and the Preservation of Confederate Culture*. Gainesville: University Press of Florida, 256 p.

Evgen'eva T.V. 2013. Istoricheskaiâ pamiât', național'noe samosoznanie i politicheskaiâ sotsializatsiia [Historical Memory, National Consciousness and Political Socialization] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiâ 12: Politicheskie nauki*, no.1, p. 118–121.

Gallagher G.W. 1998 *Lee and His Generals in War and Memory*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 298 p.

Gallagher G. W., Nolan A. T., eds. 2000. *The Myth of the Lost Cause and Civil War History*. Bloomington: Indiana University Press, 240 p.

Janney C.E. 2008. *Burying the Dead but Not the Past: Ladies' Memorial Associations and the Lost Cause*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 290 p.

Kochetkov A.P. 2014. Național'noe gosudarstvo v usloviakh globalizatcii [National State in the Conditions of Globalization] // *Polis. Political studies*. No. 4. P. 63–75.

Krasnoborov M.A., Obolonkova M.A. 2013. Otrazhenie grazhdanskoï voïny 1861–1865 gg. v sovremennom shkol'nom istoricheskom obrazovanii SSHA [Reflection of the Civil

War of 1861-1865 in the modern school history of the United States] // Vestnik nauchnoï assot͡siatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriiā: Stadia Historica Jenium. No.1 (9), p. 55-57.

Kuvaldina A.V. 2012. Ėtnicheskie i rasovye men'shinstva SSHA: ideologicheskaiā orientatsiia, politicheskie predpochteniiā, ēlektoral'naia aktivnost' [Ethnic and racial minorities of the USA: ideological orientation, political preferences, electoral activity] // Polis. Political studies, no.6, p. 165-174.

Kuznetsov IŬ.V. 2015. Problema natsional'noï identichnosti i prepodavanie istorii: obshchestvenno-politicheskaiā diskussiiā v SSHA (80-90-e gg. XX v.) [The problem of national identity and the teaching of history: socio-political debate in the United States (80-90's of the 20th century)] // Vlast' i obshchestvo: praktiki vzaimodeistvii i konflikty. Materialy Deviatoi regional'noï nauchnoï konferentsii, p 274-278.

Kirchanov M.V. 2017. Istoricheskaiā politika. Politika pamiāti i voīna s pamiātnikami v SSHA [Historical Politics. Politics of Memory and War with Monuments in the USA] // SSHA ❖ Kanada: ehkonomika, politika, kul'tura. No.12. P. 63-75.

Neff J.R. 2016. Honoring the Civil War Dead: Commemoration and the Problem of Reconciliation. Lawrence: University Press of Kansas, 328 p.

Noyalas J.A. 2015. Civil War Legacy in the Shenandoah: Remembrance, Reunion & Reconciliation. Work. Charleston: The History Press, 190 p.

Prokopenkov G. IŬ. 2015. Obraz «iūzhanina» v sovremennom amerikanskom iūmoristicheskome diskurse [The image of "southerner" in the modern American humorous discourse] // Vestnik RGGU. Seriiā: Politologiiā. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. No.6 (149). P. 137-145.

Savel'eva I.M., Poletaev A.V. 2008. Sotsial'nye predstavleniia o proshlom, ili znaiūt li amerikantsy istoriiū. [Social ideas about the past, or Do Americans know the history]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 456 p.

Samutina N.V. 2005. Sovremennoe evropeiskoe kino i ideiā kul'tury («proshlogo») [Modern European cinema and the idea of culture (the "past")] // Fenomen proshlogo. M.: Higher School of Economics. P. 337-366.

Surguladze V.Sh. Donal'd Tramp i renessans amerikanskogo konservatizma [Donald Trump and the Renaissance of American Conservatism] // International Affairs. No.2. P 73-86.

Spring J. 2016. Deculturalization and the Struggle for Equality. A Brief History of the Education of Dominated Cultures in the United States. Routledge: New York, 192 p.

Vedernikova A.S. 2014 Istoricheskaiā pamiāt' o grazhdanskoī voīne v SSHA v zerkale kinematografa [The historical memory of the American Civil War in the mirror of cinematography] // Chelovek i obshchestvo v usloviiakh voīn i revoliutsii. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoï konferentsii. Samara. Samarskiĭ gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, p.170-174.

Volkov E.V., Ponomareva E.V. 2012. Igrovoe kino kak istoricheskii istochnik dlia izucheniia kul'turnoi pamiāti [A feature film as a historical source for the study of cultural memory] // Vestnik IŬUrGU. Seriiā: Sotsial'no-gumanitarnye nauki.. No.10, p. 22 - 25.

Unified Narrative of American Civil War History as an Element of Memory Policy

(USA & Canada Journal, 2018, no. 11. p.46-59)

Received 18.07.2018.

BELOV Sergey Igorevich, Victory Museum. 10 Brat'yev Fonchenko Street, Moscow 121170, Russian Federation (belov2006s@yandex.ru).

The presented article explores the process of building a unifying historical narrative in relation to the history of the Civil War in the USA from 1861 to 1865. The research methodology is based on case study and descriptive analysis. The purpose of the study is to identify positive and negative (from a functional point of view) points in this process. It is established that the architects of the U.S. policy of memory abandoned the tactics of demonizing one of the sides of the conflict by integrating representatives of both southerners and northerners into the pantheon of national heroes. The authority of specific historical figures was used to justify the need for reconciliation of former enemies. The motives of the participants in the conflict on both sides were tied to the basic values of American society. Mass culture was used to form a unifying narrative. Due to this, a system of emotionally charged symbols was introduced into the mind of white Americans. These system of symbols triggered mechanisms of empathy towards former enemies. At the same time, the model of the unifying historical narrative was built without taking into consideration possible change in the target audience. It did not match the interests and values of macrosocial groups, whose role in public and political life in the United States increased sharply in the second half of the 19th century (especially African Americans and the color population in general, women, sexual minorities, etc.). At the same time, the state and its affiliated structures failed to respond adequately to the formation of the anti-image of southerners in mass culture, which contributed to the resuscitation of radical forms of local identity.

Keywords: policy of memory (memory policy), memorial policy, historical narrative, unifying narrative, identity, Civil war in the USA.

About the author:

BELOV Sergey Igorevich – Candidate of Sciences (History), Academic Secretary.